

А. С. Матвеевская, С. Н. Погодин

КУЛЬТУРА ФИНЛЯНДИИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

В статье анализируется представление о Финляндии, существовавшее в царской России. Особое внимание уделено внутренним изменениям в финском обществе, его политическом и социокультурном климате. Исторические рамки в данном контексте охватывают три периода. Первый — с момента присоединения Финляндии к России в 1809 г. до середины XIX в. Второй период — вторая половина XIX в. — характеризовался особым вниманием российского общества к Финляндии. Третий период — вступление на престол Александра III — сопровождался появлением теории «народного самодержавия». Предложенная авторами периодизация позволяет лучше проследить эволюцию отношения к Финляндии. В связи с этим предлагается классификация основных факторов, оказавших воздействие на формирование образа (имиджа) Финляндии в России. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: Финляндия, царская Россия, имидж, общественное мнение, национальное движение, национальная самобытность.

A. S. Matveevskaya, S. N. Pogodin

FINNISH CULTURE IN IMPERIAL RUSSIA

The article examines the image of Finland in the Imperial Russia. Particular attention is paid to internal changes in the Finnish society, its political and socio-cultural context. Historical framework in this context covers three periods. First period is since the accession of Finland to Russia in 1809 to the middle of the XIX century. Second period, the second half of the XIX century, was characterized by Russian society's focus on Finland. Third period, Alexander III's accession to the throne, led to the theory of "people's autocracy". Periodization proposed by the authors, allows to better track changes in attitude towards Finland. In this regard, according to the author, we can propose a classification of the main factors that had an impact on the image of Finland in Russia. Refs 11.

Keywords: Finland, tsarist Russia, image, public opinion, national movement, national identity.

Формирование представления о Финляндии в царской России определялось несколькими факторами: во-первых, внутренними изменениями в финском обществе и, во-вторых, проходившими в российском обществе политико-идеологическими и духовными процессами. Поэтому на протяжении XIX в. существовавшие в России представления о Финляндии претерпели определенные изменения. Авторы статьи предлагают периодизацию формирования образа (имиджа) Финляндии в России на основании исследования российской общественной печати.

Первый период: с момента присоединения Финляндии к России в 1809 г. до середины XIX в. Данный период характеризуется незначительным количеством упоминаний Финляндии в печати. Эти немногочисленные заметки были отмечены благо-

Матвеевская Анна Сергеевна — кандидат географических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; annamatveevskaya@mail.ru

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Институт международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, Российская Федерация, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28; pogodin56@mail.ru

Matveevskaya Anna S. — Candidate of Geography, Senior lecturer, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; annamatveevskaya@mail.ru

Pogodin Sergey N. — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State Polytechnic University, 28, Grazhdansky pr., St. Petersburg, 195220, Russian Federation; pogodin56@mail.ru

желательным, романтическим представлением о Финляндии. Как отмечал И. Соломещ, «интерес российского наблюдателя довольно редко имел политическую окраску. Скорее приходится говорить об эстетическом, этнографическом, романтически окрашенном интересе. В результате довольно быстро зафиксировался образ суровой природы, в условиях которой живут эти молчаливые, но совсем не опасные финны. С легкой руки поэтов К. Батюшкова и А. Пушкина сформировалось несколько патерналистское отношение к финнам как к народу» [1, с. 58]. По мнению И. Хирвисахо, такой образ Финляндии в русской литературе определялся российской идеологией, которая воспринимала автономию как колонию. Колония же воспринималась как дикая страна романтической, первобытной природы, не тронутая цивилизацией, населенная простым народом. На этом фоне Россия предстает хранителем цивилизации, несущим в дикий край современную культуру. Далее финский исследователь отмечает, что все российские авторы, следуя эстетике романтизма, намеренно преувеличивали суровость и пустынную Финляндии, мрачность и неприветливость её природы, непритязательную простоту её жителей, изображаемых как некие дети природы, находящиеся в полной гармонии с окружающим их миром. В заключении своей работы И. Хирвисахо цитирует знаменательную фразу В. Ф. Одоевского: «Финнов можно назвать народом древности, переселённым в нашу эпоху» [2, с. 244].

Другой точки зрения придерживался К. К. Грот (1815–1897) — российский государственный и общественный деятель. В его очерке «О финнах и их народной поэзии» отмечалось, что этот народ энергичен, решителен и мужественен, на редкость терпелив, честен и верен данному слову, самозабвенно привязан к своей родине и сострадателен по отношению к ближним, гостеприимен. Финны с недоверием относятся к иноплеменникам, и поэтому они скрытны и молчаливы, но в тоже время справедливы, отзывчивы на доброе отношение [3, с. 53].

Как отмечает отечественный исследователь И. М. Соломещ, «размышления об исторических судьбах Финляндии и ее месте в составе империи неминуемо оказывались в повестке дня полемики западников и славянофилов, при том общем замечании, что финляндские дела в общеимперском контексте еще долго не представляли собой проблему первого плана. Славянофильский подход к Финляндии, равно как и в отношении других порубежных районов империи с их инородческим и иноверческим населением, довольно долго оставался окрашенным неким романтическим мессианством» [1, с. 39].

Второй период. Вторая половина XIX в. характеризовалась особым вниманием российского общества к Финляндии. Можно полностью согласиться с мнением М. А. Витухновской, которая считает, что «отношение к национальному вопросу и имперской проблематике стало одним из существенных “маркирующих” идеологических признаков; национальный дискурс сыграл существенную роль в окончательном размежевании российского интеллектуального сообщества на консервативную и либеральную части» [3, с. 78].

С 60-х годов XIX в. начался новый этап в отношении к Финляндии, связанный с царствованием Александра II. Возобновил свою работу Сейм Финляндии, который не собирался более пятидесяти лет. Российские консервативные и либеральные политики оценивали ситуацию в Финляндии с диаметрально противоположных сторон, что положило начало их противостоянию по финляндскому вопросу. Именно

в этот период, как отмечает М. Витухновская, оформились характерные для консерваторов и либералов «образы Финляндии» [3, с. 80].

Российские либеральные журналисты и литераторы трактовали финский народ как нацию, воспринявшую основы европейской цивилизации, обладающую выборными органами самоуправления и приверженную гражданским и политическим свободам. Образ Финляндии у либералов связывался с формирующейся демократией, правовым государством с элементами гражданского общества. Такой образ автономии давал перспективу для демократизации всей метрополии. Консервативно настроенные публицисты видели в процессах, происходящих в Финляндии, опасность сепаратизма и развала империи.

Необходимо исследовать связь между формированием общественного мнения в России и образом Финляндии в политических кругах метрополии XIX в. «Общественное мнение — это не просто агрегация отдельных индивидуальных суждений, это — организация, совместный продукт коммуникации и взаимного влияния», — отмечал известный западный исследователь Ч. Кули [4, с. 121].

При этом следует отличать «истинное общественное мнение» от «массового впечатления». Первое характеризуется зрелостью, серьезным и ответственным подходом, устойчивостью связей и влияний. Второе представляет собой расплывчатое, эмоциональное представление, имеющее тенденцию к быстрому распространению, привлекающее к себе общее внимание. Однако оно недолговечно и быстро исчезает.

Определяющее воздействие на представления российского общества о Финляндии оказывало мнение публицистов и литераторов. Именно журналы стали важнейшим инструментом формирования имиджа Финляндии, причем «образ Финляндии»... существовал для российских мыслителей в неразрывной связи с тем «образом России», который возникал перед их мысленным взором и в разных случаях воспринимался либо как помеха на пути развития Российской империи, либо как один из стимулов к ее движению вперед» [3, с. 102].

Третий период. Вступление на престол Александра III привело к появлению теории «народного самодержавия», главная идея которой — единение царя с народом, что придавало политическому курсу националистическую окраску. Идейной основой нового царствования стал национальный миф, тезис о противопоставлении России Европе. «В основу исторической парадигмы, — пишет Р. Вортман, — была положена... заимствованная у славянофилов идеализированная картина XVII в. — эпохи, когда царь правил в единстве и в гармонии с “землей русской”» [5, с. 238].

Эта политика привела к муссированию националистической и консервативной тематики в публикациях, посвященных Финляндии. Ведущим идеологическим центром, формирующим общественное мнение, стали «Московские ведомости». По подсчётам Л. В. Суни, только за 1880–1889 гг. этим изданием было опубликовано более 200 статей по финской тематике [6, с. 23], основная мысль которых сводилась к тому, что Финляндия платит России чёрной неблагодарностью, стремясь к обособлению и существованию за российский счёт. Вот типичный «образ неблагодарной Финляндии», нарисованный в выпуске «Московских ведомостей» от 26 июня 1884 г.: «Имея своё управление и свою монетную систему, будучи отделена от Империи таможенною границей, Финляндия находится почти только в личном соединении с Россией. Не желая участвовать в общей жизни Империи, уклоняясь от исполнения общегосударственных повинностей, не принимая участия в погашении долго-

вых обязательств государства, не разделяя наших затруднений... вообще обособляя себя от России, Финляндия желает жить за счёт России. Справедливо ли это?» (цит. по: [3, с. 23]).

Такие обвинения Финляндии были связаны с многочисленными льготами, предоставленными ей в правление Александра II и определившими её экономический рост. Позиция националистов сводилась к тому, что только льготы и помощь России являлись основанием быстрого развития финской экономики. Финляндия воспринималась консерваторами как окраина, которая, воспользовавшись богатствами метрополии, отказывается принять национальные интересы России, демонстрируя отсутствие должного уважения или хотя бы элементарной благодарности.

Период 1870-х — начала 1880-х годов характеризовался возникновением финского национализма. П. И. Мессарош, побывавший в Финляндии в 1870 г., а затем в 1895 г., был поражён «переменами, произошедшими в течение этих 25 лет во взглядах крестьянского населения края. Мы увидели, — писал он, — что в эти четверть века ненависть ко всему русскому приняла громадные размеры» [7, с. 3]. В этот период произошло столкновение финского национализма с национализмом русским. По мнению М. Витухновской, российские националисты страдали «комплексом национального унижения, поскольку были не в силах признать, что маленькая и бедная природными запасами окраина смогла экономически обогнать метрополию, опираясь, вкуче с уже упоминавшимися экономическими льготами, на своё либеральное законодательство, разумное самоуправление и рациональное хозяйствование» [3, с. 37].

Мы полностью согласны с концепцией М. Хроха, считающего, что европейские национальные движения, как правило, проходили три фазы: фаза А — пробуждение интереса сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору определённой этнической группы; фаза Б — развитие национальной агитации; фаза В — национальное движение становится массовым [8]. Применив концепцию М. Хроха к Финляндии второй половины XIX в., мы увидим переход от фазы национальной агитации к фазе массового национального движения.

К концу 1880-х годов образ Финляндии получил в консервативно-националистической прессе новое звучание. Финляндия теперь воспринималась как чужой, враждебный край — отступник, обманувший доверие метрополии и использовавший предоставленные блага для своих нужд, игнорируя интересы империи. Эта позиция была четко сформулирована в Государственной Думе правым националистом В. М. Пуришкевичем: «...Финляндия, выросшая под покровительством русского двуглавого орла, обязана всем своим благоденствием России, эта Финляндия отплатила ей чёрной неблагодарностью... мы должны быть сильны, и это один из главных поводов, одна из главных причин того, что самые серьёзные, самые беспощадные репрессии должны быть приняты в отношении взбунтовавшейся окраины» [3, с. 11].

Однако существовал и либеральный взгляд на Финляндию как на единственный и благодатный уголок российской империи, где царят культура и демократия. На защиту автономии встал журнал «Вестник Европы», на его страницах формировался либеральный «образ Финляндии». В основе этого образа лежало представление о перспективах и будущем России. Идеалом либералов была западноевропейская демократия, с конституционным правлением, гражданским обществом, правовым сознанием народов. Финляндия воспринималась «подстоличной» Европой, Евро-

пой домашней. Эту позицию хорошо выразил в начале XX в. А. И. Куприн, писавший о Хельсинки: «Так близко от С.-Петербурга — и вот настоящий европейский город» [9, с. 602]. Финляндия трактовалась российскими либералами как Европа в миниатюре — благоустроенная, просвещённая Европа, которая была для них общественным и политическим идеалом и должна была стать моделью для развития всей России. Именно с этих позиций либеральная пресса вела защиту Финляндии от наступления российской власти.

Особенностью финнов либералы считали их принадлежность к «европейской цивилизации», воспитавшей в них черты гражданской личности и правовое сознание. Издание «Голос» писало, что в результате связи с германо-скандинавским миром «очень рано были внесены в Финляндию все существеннейшие черты европейской цивилизации. <...> Под всеми этими влияниями развивалось в народе сознание человеческих прав, складывалась и крепла гражданская личность, возникало сознание политической свободы, являлся навык к самоуправлению». Восторженно описываются приметы «тесной общественной организации», которые мы назвали бы основами гражданского общества. «Почти во всех городах, — отмечает неизвестный автор, — и даже в некоторых селениях Финляндии в настоящее время есть различные общества (перечисляются просветительные, врачебные, сельскохозяйственные, попечительские, литературные и т. д. общества, общества призрения нищих. — прим. М. Витухновской)... действия которых обнимают положительно всю Финляндию» (цит. по: [3, с. 54]).

В III Думе имела место массовая защита Финляндии со стороны всех левых партий — кадетов, социал-демократов, трудовиков, прогрессистов. Выступления носили эмоциональный характер, в них проявлялось желание отстоять Финляндию. Социал-демократ И. П. Покровский (2-й) констатировал: «Правительство не может терпеть рядом с собой страну, входящую в состав Российского государства, страну с действительным демократическим народным представительством... где действительно, а не фиктивно существуют гражданские свободы, страну, где народное образование проникло в глубь, в деревню, страну, где культура дошла до глубины лесов и деревень» (цит. по: [3, с. 61]). Либеральная пресса сравнивает жизнь крестьян Финляндии и внутренних губерний России: «Живут финские крестьяне чисто; одеваются хорошо и опрятно; по нашим понятиям их достаток можно назвать большим. Во внутренних губерниях таким достатком располагают только богатые мужики, да и то живут с меньшими удобствами». В Курской губернии, продолжает публицист из журнала «Мир Божий», «несмотря на несравненно лучшие климатические и природные условия, доход хозяина в среднем в 2,5 раза ниже, чем в Финляндии» [10, с. 21].

Особое внимание либералы уделяли просвещённости и грамотности финляндского общества. Их восхищал огромный престиж образования, грамотности, культ школы, который существовал в Финляндии. Журнал «Мир Божий» неоднократно публиковал статьи, анализирующие финскую систему просвещения. В основе школьного образования в Финляндии, писали авторы журнала, лежат два принципа: оно необходимо не само по себе, а для воспитания народа в борьбе за существование и должно быть массовым, кроме того, нельзя ограничиваться преподаванием только грамоты, а следует «вырабатывать развитых людей и хороших граждан». Результатом такой программы должно стать воспитание сознательного, самостоятельно мыслящего гражданина.

Такая позиция целиком противоречила принципам российской образовательной системы, предложенной К.П. Победоносцевым, суть которой сводилась к созданию в стране сети церковно-приходских школ, в задачу которых входило не прививать умение самостоятельно, логически мыслить «простому человеку» [11, с. 127].

Оценку финской школе дал А. Куприн: «О поголовной грамотности финнов все, конечно, слышали, но, может быть, не все видели их начальные народные школы. Мне привелось осмотреть довольно подробно новое городское училище... Это дворец, выстроенный года три-четыре назад, в три этажа, с саженными квадратными окнами, с лестницами, как во дворце, по всем правилам современной школьной гигиены» [9, с. 619].

В либеральной прессе давалась высокая оценка внешним, бытовым чертам «европейскости», которые так привлекали русских в Европе и которых так не хватало в России. В разные годы российская публицистика неизменно отмечала высокую бытовую культуру финнов, чистоту, грамотность и честность народа.

Мы вновь сталкиваемся с противостоянием Финляндии и России, о котором уже писали: грубая, тупая сила стремится разгромить оазис культуры и свободы, который раздражает её своим благополучием.

Развивающаяся Финляндия несла в себе угрозу для империи, ибо, как справедливо отмечает Р. Суни, «успехи модернизации создают условия для провала империи», в то время как пафос империи, её оправдание заключается в том, что она несёт цивилизацию подвластным народам. «Нуждаясь в оправдании права иностранцев управлять народами, которые стали преобразовывать себя в нации, — продолжает Суни, — имперская элита пользовалась идеей модернизации младших и нецивилизованных народов в качестве главного средства легитимизации имперского порядка» [6, с. 23]. Финляндия в эту схему никак не вписывалась, напротив — именно от неё либералы ждали цивилизационного воздействия на Россию. Всё сказанное помогает понять, в чём заключались главные причины начавшегося во второй половине 1880-х годов и продолжавшегося вплоть до самой революции 1917 г. «похода на Финляндию», организованного консервативно-национальными силами и подержанного властью.

Литература

1. Соломещ И. М. От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 27–45.

2. *Hirvisaho I. K. A Stepchild of the Empire: Finland in Russian Colonial Discourse.* Los Angeles: University of California, 1997. 350 p.

3. Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 60–120.

4. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

5. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф Российской монархии XIX века // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX в. / сост. Н. Н. Мазур. Москва: ОГИ; Венеция: [Б. и.], 1999. (Россия/Russia. Вып. 3 (11)). С. 220–240.

6. *Суни Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 9–72.
7. *Мессарош П. И.* Финляндия — государство или русская окраина? СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1897. 150 с.
8. *Hroch M.* Social preconditions of national revival in Europe. A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1885. 229 p.
9. *Куприн А. И.* Немножко Финляндии // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1958. С. 613–623.
10. *Фирсов В.* Причины экономических и культурных успехов Финляндии // *Мир Божий*. 1898. № 12. С. 15–30.
11. *Победоносцев К. П.* Народное просвещение // *Победоносцев К. П.: Pro et Contra*. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 576 с.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2014 г.